

Вернувшись домой после традиционного субботнего похода на рынок и в продымаг, Семен проворно разложил на просторном кухонном столе покупки, кликнул жену и по обыкновению начал маленькое представление, вовлекая и благоверную свою в это действо.

— Милая, погляди, мимо не проходи,— игриво мурлыкал он, раскрывая пакет с сосисками и наскоро ощупывая каждую.— Из килограмма всего-то две-три склизкие. Это граммов сто пятьдесят — не более! Класс!.. Ну, виртуозки эти бабенции: ширпыр, и несколько просроченных закинут в пакет незаметно. Но не полкило же! Карбонат брать не стал — вид печальный. Черешню не трогай пока, сам переберу... Вижу, вижу, не терпится черешенки отведать.

Семен опоясался фартуком и занялся перламутрово-бордовой черешней, споро отправляя свежие плоды в объемную миску — для мытья, а лежалые, подгнившие — в мусорное ведро.

Быстренько расправившись с замечательным южным фруктом, горделиво улыбнулся:

— Хвали меня, Любоня, хвали: не годится от силы триста граммов. Это из полутора килограммов. Не зря я сыграл сурового покупателя. А не подмешано ли тут, говорю строго, черешни с прошлых дней. Видела бы этот кислый взгляд в ответ... Ну, ничего, зато полакомимся и внука угостим. Только, роднуля, я тебя умоляю, не подходи со своим нитратомером к помидорам и огурцам,— перехватил он взгляд жены в сторону пакетов с овощами.— Опять останемся без салата. Я старался спелые, но крепкие выбирать. Ты же знаешь, умею... Понемножку будем кушать — справится желудок, если что.

— Молоток, Сема, вкусный сыр взял,— похвалила Люба, взяв со стола кусок сыра в вакуумной упаковке. Она извлекла его и сию секунду ахнула: «Вот, черти! Посмотри».

Семен взял сыр и стал оглядывать.

— Да-а,— почесал смущенно затылок,— плесень тронула край. С брачком, видимо, упаковка... Не беда,— успокоил он бодренько жену.— Сейчас срежу негодный уголок и все, можно кушать. Запах вроде нормальный... Что делать, в упаковку не заглянешь.

— Может, вернем? — робко предложила жена.

— Что ты, персик, это ж нервотрепка, время и непонятный финал... Лучше погляди хлеб — ты такой одобрила в прошлый раз.

— Вроде ароматный,— пробуя кусочек пшенично-ржаного каравая, кивнула она.— Непропеченный правда сегодня.— Но это пустяк,— спохватилась Люба, боясь еще расстроить мужа.— Порежем на несколько кусков и в духовку — дойдет.

— Верно, Любана,— духовка нам на что.

— Все же хлеба у нас порядочно остается,— не удержалась-таки жена.— Есть, кстати, хороший очень магазин — в центре, у драмтеатра. Недешевый, понятно. Там отличный хлеб: не сластит, в меру соленый, пропеченный и с корочкой — пекарня при магазине. Соседка как-то угостила. Такой не останется.

— Тот магазин, персик, наш бюджет докторский не поднимет.

— Можно там только хлеб покупать и все.

— И ты пройдешь мимо колбасной секции, мимо молочной, рыбной? — ухмыльнулся Семен.— Опасная идея, персик. К тому же, отличный хлеб — это лишние килограммы. Тебе нужны лишние килограммы? Я против... На хлеб мы особо не налегаем, обойдемся.

— Что ни говори, а многовато продуктов в отходы идет, минуя стол,— вздохнула Люба.— У тебя-то, глазастого, разборчивого. И я стараюсь присматриваться... Вроде выбор большой, а как брать что, стоишь в раздумье — прокола очередного опасешься... Привыкли уже. Неужели поправить это нельзя?

— В правительстве, Любана, говорят, опасно бизнес кошмарить, особо малый и средний. Донимать его, значит, частыми проверками, наказывать строго за нарушения и обман, придираются... и тому подобное. Совсем, говорят, туго будет с удовольствием.

— А нельзя не кошмарить, а просто умеренно так, аккуратно, но регулярно и действенно контролировать — нам на пользу и бизнесу добропорядочному, а плутовскому бизнесу во вред?

— Говорят, пробовали — не выходит, все равно проверяльщики, контролеры принимаются со временем кошмарить... и мзду еще вымогают.

— Может, у других выйдеет?

— У каких других? У другого правительства? Ты за смену правительства, Любана?! — с нарочитой опаской выпучил глаза Семен.— Прямо радикалка. Хочешь дестабилизации?

— А что такого-то? Верховодят они давно. Если не получается давно, так не получится уже. Была б с удовольствием только загвоздка. Смысл ждать? Дестабилизации как раз дождешься... И менять всех необязательно — если выходит у кого, пусть себе работает.

— Справедливая, справедливая, ей-ей. Не ценишь, персик, что имеешь, не ценишь,— покачал головой Семен.— А я вот цену. Ты за последние годы много видела смен-перемен, от которых прок был? Я больше видел, что «хотели как лучше, а получилось как всегда».

— Как всегда что? Как всегда хуже? — всколыхнулась Люба.

— Ну да.

— Почему же в этой фразе крылатой — все кому не лень ее повторяют — опускают «хуже»? Почему не договаривают? — продолжала наступать жена.

— И так ясно,— пожал плечами Семен.— Ты что вдруг заволновалась, Любана?

— А то! — сердито стукнула кулаком по столу Люба.— Повторяют ее бездумно, не вникая, насколько она подленькая и лживая. Она как бы про все известные наши времена. По ней выходит, всегда будто на Руси что ни затевается наверху, то не по-

лучается, хотят как лучше, а получается хуже. Будь так, не иметь нам нипочем ни царства, ни Великой империи, ни могучего Советского Союза. А мы имели! И родом эта фраза из гоп-компании реформаторской, что пустила Россию под откос в девяностые годы. Оправдывали они шутейно такими вот словами свою неумелость, несостоятельность: «Да, мол, промахов, ошибок у нас полно, но всегда ведь так было, от традиции российской мы не отклонились». Отклонились, крепко-крепко отклонились... До сей поры их сторонники идейные погоду делают наверху. А ты их менять не хочешь.

Семен с недоумением любовался вскипевшей неожиданно, разругавшейся, обаятельной женой:

— Сразила! Без оружия сразила, политолог ты мой,— бормотал он изумленно.— Откуда?.. Уговорила — меняем. Покушай черешню, золотко.